

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор материалов Всероссийской видеоконференции «Государство и право на рубеже XX—XXI веков». (К 75-летию Н. А. Катаева)

17 ноября 2014 г. состоялась Всероссийская межвузовская видеоконференция на тему «Государство и право на рубеже XX—XXI веков», посвященная 75-летию Н. А. Катаева.

Открыл конференцию *Р. В. Нигматуллин* — заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Свое приветственное слово Р. В. Нигматуллин начал с поздравления с 75-летием доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, заслуженного работника высшей школы России, заслуженного работника Республики Башкортостан, генерал-майора внутренней службы в отставке Николая Анатольевича Катаева. Вот уже 26 лет его жизнь связана с Уфимским юридическим институтом МВД России. Под его руководством происходило становление и развитие материально-технической базы, формирование педагогического коллектива института. Признанием научных заслуг Н. А. Катаева является проводимое сегодня мероприятие, в работе которого принимают участие представители шести высших учебных заведений из пяти городов Российской Федерации.

Говоря о творческом наследии юбиляра, важно отметить широкий спектр его научных интересов. Исходя из определенных постулатов, связанных с беглым анализом его работ, выделим ряд моментов. Прежде всего, полагаем необходимым вернуться к переосмыслению на новом историческом витке развития проблем соотношения права и реалий повседневности. Как известно, отказавшись в свое время от традиционной марксистской формулы «базис — надстройка», мы не заметили, как теоретические исследования стали постепенно терять связь с интересами практики. В свою очередь, это приводило к тому, что власть оказывалась без соответствующей теоретической «подпитки», когда необходимо было принимать серьезные шаги в сфере нормотворчества. Отсюда и просчеты в сфере налогового законодательства последних лет, фактическое свертывание норм, связанных с экономическими преступлениями.

Другой проблемой, которую хотелось бы предложить для обсуждения участников конференции, является необходимость более осторожного подхода к исследованию роли личностного фактора в общем потоке развития государственно-правовых структур. В свое время Н. А. Катаев внес значительный вклад в исследование данного вопроса на примере формирования политических партий Болгарии начала XX в. Представляется, что в общем

содержании историко-правовых исследований допущен определенный перекос в сторону известной абсолютизации роли личности в истории. О значении и влиянии простых людей в истории государств нельзя говорить лишь в условном плане, именно они определяют вектор развития, глубину и последовательность осуществления задач государственной политики. А в критические моменты на подавляющее большинство граждан ложится бремя ответственности за судьбы страны. Об этом уместно вспомнить в преддверии предстоящего празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В то же время, если властные структуры не способны определить основные задачи государственно-правового развития собственной страны и обрекают ее на сползание в пучину кризиса, происходит отторжение власти и народа. Достаточно привести в качестве примера печальные последствия для России последствий первой мировой войны, столетие начала которой отмечается в этом году.

С приветственным словом на конференции также выступили: доктор экономических наук, профессор *Н. С. Яшин* — заместитель директора ССЭИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова по научной работе и инновациям; доктор юридических наук, доцент *Ю. В. Анохин* — заместитель начальника по научной работе Барнаульского института МВД России; кандидат юридических наук, доцент *Р. С. Рыжов* — заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе; кандидат юридических наук, доцент *К. А. Ишекков* — заместитель директора по научной работе Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой Академии Министерства юстиции Российской Федерации; *А. Ю. Ратанин* — заместитель директора филиала НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права» в г. Пензе.

Выступающие отметили, что уже название видеоконференции свидетельствует о ее исключительной актуальности и научно-практическом значении. Знаменательно и то, что она имеет свой научно-политический ракурс, поскольку проводится в преддверии празднования двадцать первой годовщины Конституции России, которую прогрессивная общественность отмечает 12 декабря 2014 г. Конференция демонстрирует неиссякаемый творческий потенциал Основного Закона, особенно в вопросах уважительного отношения к человеку, личности, его служебным и личным заслугам, профессионализму, творчеству, инициативе, таланту, преданности Отечеству, и служебному долгу.

Мероприятие связано с юбилейной датой — 75-летием со дня рождения известного ученого, организатора, замечательного управленца, надежного товарища, друга и учителя *Николая Анатольевича Катаева*.

Юбиляр выступил на конференции с обстоятельным докладом, в котором, в частности, отметил следующее.

Сегодня как никогда подвергнуты существенной трансформации важнейшие государственные институты, национальные и международные правовые системы. Унификация права в условиях регионального и межгосударственного сотрудничества стала неотъемлемой чертой современности. Необходимо также подчеркнуть определенное смещение основного направления формирования глобальной модели в сфере внешнеполитической деятельности с западного

на восточный вектор развития. Сегодня вариативность экономических, политических и государственно-правовых интересов не только в нашей стране, но и в ведущих государствах Запада резко меняется. Европоцентризм уступает место глубокому и всестороннему изучению таких бурно развивающихся регионов, как Центральная Азия, Африка, Ближний Восток и Латинская Америка. Основной потенциал развития государств будущего следует определять исходя из синтеза особенностей формирования азиатской и латиноамериканской моделей государственности.

С позиции принципов историзма и научной объективности необходимо говорить и о безусловном застое в развитии концепции глобализма. Яркий пример этого — кризис во взаимоотношениях государств Европейского Союза. Все более заметными становятся усилия других государств по поводу поиска новых форм экономического и политического сотрудничества. Подтверждением этому служит образование и деятельность таких организаций, как Евразийский Союз, ШОС и БРИКС. В связи с этим представляется целесообразным обсудить вопрос об определенной переориентации наших исследований, а возможно, и всей системы профессиональной подготовки кадров от европоцентристской модели в направлении поиска новых форм и направлений работы.

Вопрос об идеологической функции современного государства вызывает массу суждений и пояснений. Одни авторы, ссылаясь на Основной Закон страны, говорят о деидеологизации государственной и общественной жизни. Другие же, напротив, рассуждая о целях развития общества, говорят о необходимости идеологических ориентиров в развитии самого общества и социальных групп населения, находящихся в рамках данного конкретного общества. Думается, правы те авторы, которые признают идеологическую функцию государства. Дело в том, что идеологическая функция государства является важным фактором, мобилизующим широкие народные массы по пути саморазвития государства и достижения высоких экономических результатов в стране. Пример тому — Китайская Народная Республика.

С научным сообщением выступил кандидат исторических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России *А. Х. Султанов*. По его мнению, в современных условиях особую актуальность приобретают исследования проблем формирования новых национально-государственных образований. Быстрые темпы глобализации не повлияли в значительной степени на замедление процессов ярко выраженной национальной самоидентификации, имеющей подчас формы рельефного самоопределения в государственно-правовой сфере. Достаточно вспомнить о событиях последнего времени в Европе: референдум в Шотландии (сентябрь 2014 г.), опрос общественного мнения в Каталонии, проведенный в ноябре 2014 г. В центре двух этих событий находился вопрос о возможности отделения территорий соответственно от Великобритании и Испании.

Если в Испании центральные власти ограничились конституционным запретом, то власти Великобритании использовали весь арсенал приемов и методов идеологического обеспечения своих интересов. По нарастающей в британской прессе шли публикации о неизбежности негативных экономических,

политических и культурных последствий отделения Шотландии. Своеобразной вершиной подобных выступлений явились появившиеся в ведущих британских газетах и на телевидение материалы об ограниченности запасов нефти и газа в шельфе Северного моря (основного источника поступлений в бюджет Шотландии).

В данном случае правительства двух европейских государств хорошо представляли последствия возможного самоопределения территорий, которые играли особую роль в истории своих стран. Знаковыми событиями в этом плане стали события 80–90-х гг. XX в., которые свидетельствовали о серьезных изменениях, вызванных политическими последствиями трансформации государственно-правового устройства стран Восточной Европы и последовавшим распадом СССР. Следует напомнить, что на политической карте мира перестали существовать такие государства, как Советский Союз, Югославия и ЧССР, которые в свое время символизировали торжество принципов социалистического федеративного государства. Представляется, что лишь простое восприятие и частичный анализ предпосылок указанного процесса распада позволил властным структурам использовать не только деструктивную составляющую государственной политики, но и прибегнуть к высокой степени концентрации усилий по обеспечению территориальной целостности своих стран.

С точки зрения современной оценки данная проблема вызывает неоднозначное толкование. С одной стороны, преобладает критический подход к трактовке права наций на самоопределение, которая господствовала в публикациях исследователей до 1991 г. С другой стороны, проявилась отчетливо выраженная тенденция прагматического толкования этой формулы в рамках реализации задач внешней политики. Достаточно вспомнить в связи с этим диаметрально противоположную реакцию западных стран на итоги референдумов в Косово и в Крыму.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации А. С. Мордовец обозначил тему социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Он подчеркнул, что современные правоведы относят категорию «механизм обеспечения прав и свобод человека» к числу основных понятий юриспруденции. Кроме того, они справедливо полагают, что научный анализ проблемы механизма обеспечения прав и свобод граждан еще далек от завершения, поскольку имеет место многоплановость подходов к его определению, структуре, принципам, функциям, понятию его субъектов и объектов. Кроме того, в юриспруденции недостаточное внимание уделяется динамическим элементам системы обеспечения прав и свобод граждан, ценностным аспектам названного механизма. Да и сами понятия «права человека», «свободы человека» изучены еще не в полном объеме, о чем свидетельствуют новейшие публикации.

Невнимание правоведов к ценностным моментам познания социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина, вероятно вызвано следующими обстоятельствами:

— во-первых, отсутствием единства мнений ученых о содержании и определении категории «ценность», что вызывает определенные сложности и в осмыслении социальной и правовой ценности механизма обеспечения прав индивидов;

— во-вторых, сложностью структуры социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина, поскольку даже в плане понимания статической стороны исследуемого механизма целесообразно исходить из того, что это категория интегративная, ибо его нормативная основа воплощает в себе нормы и принципы естественного и позитивного права. Соответственно, установление наилучшей сбалансированности норм и принципов естественного и позитивного права, а также их согласованности возможно при условии концептуальной опоры на методологию интегративного подхода к ценностной характеристике явления. Она же (методология) позволит максимально учесть требования полноты и всесторонности научного анализа в оценке сущностной основы, закономерностей социального назначения и действия, места и роли в демократическом обществе;

— в-третьих, права человека имеют особый статус в иерархии системы социальных ценностей. С этой точки зрения механизм их осуществления не может, с одной стороны, не рассматриваться и исследоваться вне рамок понимания названных ценностей, а с другой стороны, не обладать самостоятельной ценностью.

Социальная ценность такого явления, как социально-юридический механизм обеспечения прав и свобод человека — материальная, духовная, познавательная, мировоззренческая. В узком смысле этого слова и в статике она характеризует его как гарантийное средство осуществления прав, свобод и интересов индивидов, а в широком — демонстрирует его практическую полезность, связанную с непосредственной охраной, защитой и восстановлением прав, свобод и законных интересов личности.

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ССЭИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова *Т. В. Касаева* подчеркнула, что одной из насущных проблем правового сопровождения проводимых реформ выступает задача формирования единой административной правовой политики, определение роли и значения в ней государственной правоохранительной службы. Значимость такого вида службы для современного этапа развития Российского государства и общества очевидна. Правоохранительная служба урегулирована множеством разных по юридической силе и содержанию нормативных актов. В отличие от иных видов государственной службы законодательство о правоохранительной службе в настоящее время не систематизировано, отсутствуют единые подходы к определению специфики данного вида государственной службы, единые основы правового статуса служащих правоохранительной службы. Сейчас действует более десяти федеральных законов и свыше ста ведомственных нормативных актов, определяющих правовое положение отдельных правоохранительных органов и порядок прохождения в них службы.

В целом решение проблем правового регулирования статуса государственных служащих правоохранительной службы возможно осуществлять по двум основным направлениям: путем принятия специального закона и путем внесения изменений и дополнений в федеральные законы, определяющие статус отдельных видов правоохранительных органов, которые в соответствии со спецификой целей, задач и функций, возлагаемых на правоохранительный орган, определяют особенности правового положения служащих и порядок прохождения службы именно в данном органе.

Таким образом, существующая ныне система правового регулирования правоохранительной службы носит дифференцированный характер в зависимости от видов правоохранительных органов: служба в органах суда, прокуратуры, милиции, таможенных органах, органах уголовно-исполнительной системы, служба судебных приставов и т. д. Так, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации (Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») служба в органах внутренних дел — федеральная государственная служба, представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента РФ.

К сожалению, принятие федерального закона о правоохранительной службе Российской Федерации, регулирующего деятельность данного вида государственной службы, устанавливающего единую для всех служащих правоохранительной службы систему прав, обязанностей, ответственности, ограничений, запретов, гарантий, до сих пор ждет своего часа. Считаю, что несмотря на произошедшие за последние десять лет изменения в законодательстве, необходимость в принятии единого цельного нормативного акта не отпала. Его принятие предусмотрено Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации». А пока правоохранительная служба имеет свою правовую базу, но не имеет единого правового акта, регулирующего общие вопросы ее организации и прохождения. Пока он не принят, определить, какие субъекты осуществляют правоохранение и, соответственно являются правоохранительными органами, непросто. Исходя, однако, из содержания ст. 7 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», к обозначенной системе можно относить государственные органы, службы и учреждения, осуществляющие функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина.

При анализе функций субъектов правоохранительной деятельности следует учитывать одно важное обстоятельство: с одной стороны, в одном органе

может быть предусмотрена как правоохранительная служба, так и государственная гражданская, военная государственная служба. С другой стороны, в обеспечении одного направления службы может быть задействовано несколько государственных органов.

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации *К. А. Ишеков* отметил, что современное правовое государство является важнейшим ориентиром модернизации государства, власти, права и общества, емкой категорией, объединяющей ряд иных конституционно-правовых принципов. В литературе достаточно распространены мнения о том, что принцип правового государства носит декларативный оттенок и может рассматриваться лишь как определенный недостижимый идеал, к которому необходимо стремиться, но в реальности вряд ли можно достичь.

Анализируя содержание правового государства, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на невозможность достижения всех характеристик идеальной правовой государственности в современных условиях, этот базовый конституционный принцип не только декларируется, но и частично реализуется в российской конституционной практике. Однако для того, чтобы правовое государство прочно укоренилось в отечественной правовой системе, стало ориентиром фактических конституционно-правовых отношений, необходима качественная модернизация ключевых институтов государства и общества, что, в свою очередь, требует внедрения постулатов правового государства в сознание каждого человека. В особенности важна модернизация правосознания представителей государственной власти и местного самоуправления, чиновников, формирующих направления правовой политики государства. Сказанное убеждает в том, что модернизация государства, права, власти и общества возможна только с позиций человеческого измерения. Только тогда правовое государство перестанет быть недостижимым идеалом, а станет общепризнанным и фактически реализуемым конституционным принципом, интегрирующим иные конституционные начала и задающим вектор дальнейшего конституционного развития государства и общества.

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России *С. В. Мотин* посвятил свой доклад деятельности Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) – выпускника Императорского училища правоведения (1842), поэта, публициста, редактора, издателя, общественного деятеля, лидера пореформенного славянофильства¹. В частности, он рассказал, что в столице Болгарии Софии одна из центральных улиц названа в честь И. С. Аксакова; в Варненской области находится Община Аксаково, в которую входит 23 населенных пункта, в том числе и город Аксаково с населением около 8 тыс. человек; в городе Пазарджик под Пловдивом уже более столетия существует гимназия «И. С. Аксаков».

¹ См.: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1–5 / под ред. С. В. Мотина. Уфа, 2009–2013.

С. А. Никитин, первым досконально исследовавший деятельность славянских комитетов, подчеркивает, что сердцем Московского славянского благотворительного комитета (с 1877 г. — общества; далее — МСБК(О)) был именно И. С. Аксаков¹. Славянофильский журнал «Русская беседа», газеты «Парус», «День» и «Москва» (1858–1868), редактировавшиеся Аксаковым, выполняли цели, поставленные перед Славянским комитетом². С 1876 г. Аксаков возглавляет МСБК и усваивает панславистскую точку зрения, согласно которой Восточный вопрос могла решить только сила русского оружия. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала кульминацией Восточного кризиса. Значительную роль в возбуждении русского общественного мнения, в оказании помощи южным славянам (сбор пожертвований, покупка оружия, посылка добровольцев) сыграли Славянские комитеты и особенно МСБК(О)³. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде И. С. Аксакова сохранились документы МСБК(О) за 1876–1878 гг.: о покупке, доставке и хранении оружия для болгарских дружин; дела по обмундированию и снаряжению болгарских дружин; документы и различные записи, относящиеся к отправке на Балканский полуостров военного снаряжения и различных вещевых пожертвований⁴. 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано был подписан предварительный мирный договор, условия которого были пересмотрены на Берлинском конгрессе, созванном в том же году по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Европейские державы настояли на расчленении Болгарии по Балканскому хребту на две части: к югу от Балканского хребта была образована автономная провинция Восточная Румелия, зависимая от Турции. Австро-Венгрии было предоставлено право «временно» оккупировать Боснию и Герцеговину, а Британия получила от султана остров Кипр. Аксаков рассматривал это решение как предательство интересов всех славян. У него созрел план выступления против решений Берлинского конгресса. Знаменитая речь Аксакова 22 июня 1878 г.⁵, получившая общеевропейскую известность, имела прогрессивное историческое значение и явилась свидетельством недовольства широких слоев русского общества антиславянскими решениями Берлинского конгресса⁶.

Кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России *А. В. Богуцкий* заявил, что одним из направлений в современной

¹ Подробнее см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.

² См.: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 228–229.

³ См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига : в 3 т. М., 1961–1967.

⁴ См.: НИОР РНБ. Ф. 14. № 440. 324 л.; № 441. 193 л.; № 442. 123 л.; № 446. 51 л.; № 447. 56 л.; № 448. 100 л.; № 449. 94 л.

⁵ См.: *Аксаков И. С.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 1 : Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878. М., 1886. С. 297–308.

⁶ См.: *Адо В. И.* Выступление И. С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. 1962. № 6. С. 125–139.

информационной войне является фальсификация истории — как в целом, так и отдельных ее событий. Причем в преддверии памятных дат этот процесс нередко активизируется. Так, накануне празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне вновь набирает обороты фальсификация событий войны, цель которой свести на нет подвиг и заслуги советского народа.

В современных условиях попытки пересмотра итогов Второй мировой войны проводятся на самом высоком уровне. 3 июля 2009 г. Европарламент принял резолюцию «О воссоединении разделенной Европы», в соответствии с которой 23 августа, день подписания договора о ненападении между СССР и Германией (пакта Молотова-Риббентропа), предлагается считать днем памяти «жертв нацизма и сталинизма». По сути дела, предлагается фальсификация, современная Европа не хочет видеть тех попыток, которые предпринимались со стороны СССР по предотвращению войны.

Излюбленный прием фальсификаторов любого уровня — отрицать очевидное, выдумывая самые невероятные объяснения давно известным фактам. Цель этого одна — заполнить умы слабо информированных молодых людей совершенно иной, фальсифицированной и ненужной информацией.

Следует отметить, что фальсификацией истории Великой Отечественной войны занимаются не только западные «историки». Такие «историки» есть и среди наших соотечественников. Причем, если западные «историки» пытаются только разделить ответственность за развязывание Второй мировой войны между Германией и Россией, то наши «специалисты» обвиняют в начале войны исключительно Россию.

Подтасовывая факты в своих интересах, фальсификаторы истории Великой Отечественной войны сходятся на том, что цена победы СССР была столь велика, что эту победу впору считать поражением. Западный стиль мышления, со своим стремлением всему назначить цену и любым способом избежать или минимизировать затраты, не позволяет им понять русский менталитет, когда ради сохранения целостности страны в жертву приносится все.

Подводя итог, можно отметить, что цель современной фальсификации истории заключается в желании разобщить наш народ по надуманным признакам. Цель современной информационной войны против России — уничтожить ее ценности, превратить население в ведомое стадо, послушно потребляющее низкосортные товары чужого перепроизводства.

Каждая фальшивка в отдельности опровергается фактами, но когда фальсификация истории Великой Отечественной войны проникает в учебники и на страницы печати, она способна нанести непоправимый вред подрастающему поколению, и в этом ее главная опасность для будущего страны.

Доцент кафедры теории и истории государства и права, начальник отделения юридического факультета ССЭИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова К. А. Грандонян подчеркнул, что несомненно, различные формы деформации правосознания могут влиять на ценность права: степень его полезности, способность согласования социальных интересов.

В качестве примера можно рассмотреть такую форму деформации, как правовой нигилизм.

Общеизвестно, что правовой нигилизм, негативно воздействуя на качество правотворчества, правоприменения, нередко обуславливает коррупционность права, т. е. наличие в нем положений, способствующих проявлению коррупции. В названном контексте негативное воздействие на ценность права выражается в следующем: коррупционные положения подрывают веру в право, снижают уровень уважения и к праву, и к государственной власти; развивают убежденность в выражении правом интересов определенных социальных групп, в том числе и криминального сообщества; в пренебрежении, игнорировании прав и свобод человека и гражданина; в неуважении права со стороны правотворческих органов, что ведет к резкому снижению его авторитета.

Иными словами, обуславливаемая правовым нигилизмом коррупционность права снижает ценность права, степень его полезности, затрудняет достижение положительного социально-правового результата.

Преодоление правового нигилизма и иных форм деформации правосознания направлено на поддержание необходимого уровня социальной ценности права, его функционирования, обеспечивающих высокое качество законности, правопорядка, эффективности правового регулирования, оптимизации процессов формирования и функционирования в нашей стране гражданского общества и правового государства.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин филиала НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права» в г. Пензе *А. Г. Репьев* сообщил, что в современной России наблюдаются две очевидные парадоксальные тенденции: с одной стороны, во всеулышание декларируется социальная ценность личности как форма утверждения и осуществления демократии, наделения государством равными правами всех его членов, воплощения принципов равенства всех перед законом и судом, неотвратимости ответственности и т. д. С другой — на конституционном и общефедеральном уровне существуют отступления от указанных принципов и, в первую очередь, от принципов равенства и неотвратимости ответственности. Речь в данном случае идет об иммунитетах, привилегиях, льготах, которые выступают правовыми преимуществами касательно конкретных субъектов общественных отношений.

В юридической науке институт правовых преимуществ ранее не исследовался. При всем этом даже поверхностный взгляд на его роль в российском законодательстве говорит о многозначности, а в ряде случаев — о противоречивости. Во-первых, правовые преимущества выступают гарантом независимости государства и его уполномоченных представителей, характеризуют их неподверженность юрисдикции другого государства, общему порядку привлечения к юридической ответственности и применения отдельных мер процессуального принуждения (дипломатические, консульские привилегии; иммунитеты и льготы депутатов, судей). Во-вторых, служат средством наиболее полной реализации прав и законных интересов граждан, в том числе, имеющих ограниченные физические и психические возможности (дотации и преференции для инвалидов).

В связи с этим типичным и в то же время несколько курьезным является то, что для юридического языка термин «преимущество» не характерен. При описании каких-либо субъективных прав и дозволений высшего порядка, отличных от общеустановленных, гарантий более высокого уровня, обусловленных специальным статусом субъекта, правоведа предпочитают ограничиваться использованием терминов «правовая льгота», «привилегия», «юридическое исключение», «специальная неприкосновенность», «повышенная неприкосновенность» и др. Багаж лингвистических приемов описания правовых преимуществ в тексте монографических работ довольно беден, ограничен. Столь же строго очерченным является и набор технико-юридических приемов закрепления преимуществ в языке нормативных актов. Полагаем, что проблема теоретико-правового, фундаментального исследования категории «правовое преимущество» вызвана, прежде всего, проблемой текстологии и необходимостью расширения знаний о первичных единицах понятийно-правового аппарата науки.

Поэтому юридическая доктрина призвана расширить теоретические положения, касающиеся языковых признаков иммунитетов, привилегий, льгот как форм правовых преимуществ, а также процесса построения и последующей интерпретации их в емкие научные конструкции. Данный шаг позволит законодательству отойти от ускоренного производства норм и положений юридического свойства, внесения многочисленных изменений и поправок в уже действующие. Вместо этого, возможно, будут осмысленно использоваться теоретические положения юридической техники и текстологии, направленные на совершенствование законодательства, в том числе, касающиеся института правовых преимуществ.

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации *О. В. Рагузина* отметила, что методологический статус категории уважения заключается в том, что она многопланова по своей социальной природе, содержанию, формам выражения и базируется на концепции единства естественного и позитивного права. Тем самым уважение как принцип прав человека, принцип российского права воплощает в себе естественные законы, политические воззрения, юридические и иные требования. Обозначенная концепция раскрывает самое существенное, что характеризует уважительные отношения личности и общества, гражданина и государства, а именно правомерное поведение, основанное на почтительном, внимательном, чутком отношении к людям, на глубоком осознании необходимости следовать нормативным предписаниям.

Уважение — универсальный и многоплановый принцип прав человека, который определяет нравственно-правовые основы взаимоотношений гражданина и государства, прежде всего, через установление правового статуса личности, гарантии его осуществления, методы правового регулирования. В современной России он становится важнейшим условием нравственной оценки государственной деятельности, составляющим элементом концепции становления и развития институтов гражданского общества и правового государства.

Уважение прав человека — качественный критерий правовой государственности и его правовой системы, элемент прогресса свободы человека в современном мире. Уважение прав человека есть неотъемлемый фактор человеческой цивилизации. Разумеется, идеи о правах человека — более объемные и сложные, нежели представления людей об уважении. И все же, если речь идет о естественных, неотчуждаемых правах индивидов, то мы сознательно, во-первых, уважительно относимся к естественно-правовой концепции во всем ее многообразии; во-вторых, признаем человека в качестве высшей ценности; в-третьих, отдаем приоритет интересам личности в теории и на практике; в-четвертых, оцениваем и предлагаем пути совершенствования общественных отношений на основе уважения прав человека во всех сферах социальной жизни.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России *О. А. Филиппов* высказал мысль о том, что хотя изначально государства решали вопросы своей внешней защищенности самостоятельно (в одиночку или коалиционно), на сегодня проблема обеспечения безопасности государства приобрела интернациональный характер. Стало невозможным обеспечить безопасность одного государства, не затрагивая безопасность мирового сообщества, тем более строить безопасность одного государства в ущерб безопасности других стран. С. А. Егоровым справедливо отмечено, что «в современных условиях под национальной безопасностью уже недостаточно понимать лишь физическую и морально-политическую способность государства защитить себя от внешних источников угрозы своему существованию, поскольку обеспечение национальной безопасности оказалось в диалектической взаимосвязи с международной безопасностью, с поддержанием и упрочением всеобщего мира»¹.

Становление и развитие права международной безопасности подтверждает общий порядок действий: «государства постепенно переходят от одностороннего метода решения тех или иных вопросов к двухстороннему и многостороннему методам — вплоть до универсального (глобального)»².

Международная безопасность достигается путем реализации системы индивидуальных и коллективных мер, которые предпринимают субъекты международного права с целью обеспечения стабильности мирового сообщества, предотвращения или ликвидации опасности войны либо иного посягательства, ставящего под угрозу суверенное, независимое развитие, а также существование самой земной цивилизации. Международная безопасность реализуется через индивидуальные и коллективные усилия государств, согласующиеся с основными принципами международного права: неприменения силы или угрозы силой, территориальной целостности и неприкосновенности, мирного разрешения споров, добровольного выполнения обязательств по международному праву. Специальные принципы права международной безопасности: неделимость международной безопасности, нанесение

¹ Международное право : учебник / отв. ред. А. А. Ковалев, С. В. Черниченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 752.

² *Шумилов В. М.* Международное право : учебник. М., 2013. С. 217.

ущерба безопасности других государств, равенство и одинаковая безопасность¹. Данные принципы могут быть дополнены принципом неприемлемости ответного ядерного удара возмездия²; принципом разоружения; принципом запрещения пропаганды войны³.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ССЭИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова А. А. *Шановалов* отметил, что сегодня в Российской Федерации сложилась такая практика, в соответствии с которой место депутата или государственного (муниципального) служащего рассматривается как инструмент получения дополнительных властных или материальных ресурсов. В конечном счете, обделенными и обманутыми остаются граждане России.

Для решения обозначенной проблемы нужно сделать следующее:

1. Создать нормативно-правовую базу, регулирующую политическую ответственность в системе публичной власти. На сегодняшний день она отсутствует.

2. Разработать систему критериев оценки эффективности работы для всех уровней публичной власти.

3. Повышать активность гражданского общества.

4. Повысить уровень демократического контроля над деятельностью государственных и муниципальных служащих.

5. Принимать на должность государственных служащих образованных, компетентных, профессионально подготовленных людей с высоким уровнем правосознания.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации *Д. И. Ахметова* подчеркнула, что юридическое образование является важнейшим фактором становления как правового государства, так и гражданского общества. В связи с этим актуален вопрос о тенденциях и перспективах развития всей высшей школы, от состояния которой во многом будет зависеть благополучие и дальнейшее развитие общества, будущее страны и такой социально значимой сферы образования в России, которой является современная система юридического образования⁴.

Формирование высокого уровня правосознания должно стать центральной идеей всего юридического образования, поскольку от качественного решения данной задачи напрямую зависит профессиональный уровень выпускника: его компетентность, практическая готовность к будущей профессии, устойчивость к профессиональной деформации и многое другое. Юрист, обладая развитым правовым сознанием, способен стать активным носителем правовой культуры,

¹ См.: Международное публичное право : учебник / Л. П. Ануфриева и др.; отв. ред. К. А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 484–485.

² См.: Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г. М. Мелков. М., 2012. С. 330.

³ См.: *Андреев М. В.* Основы теории национальной безопасности : учебник. Казань, 2012. С. 18, 21.

⁴ См.: *Пуляева Е. В.* Обеспечение качества юридического образования: правовые аспекты // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 69.

идей демократии и справедливости, а следовательно, успешно участвовать в решении проблем укрепления законности, повышения правовой культуры и правосознания населения. Это тем более важно, поскольку в последнее время происходит девальвация профессии юриста. Наметившаяся тенденция обусловлена ростом числа выпускников юридических вузов и факультетов, где качество подготовки оставляет желать лучшего.

От уровня деятельности юристов в значительной мере зависит не только эффективное функционирование механизма правового регулирования, но и отношение рядовых граждан к праву и правовым институтам. Другими словами, авторитет права и государства, уровень правового сознания, правовой культуры населения во многом определяются профессионализмом юридических кадров. Однако именно качество подготовки юристов является наиболее острой проблемой современного юридического образования.

Состояние государства зависит от юридического образования, уровня правовой культуры, без которых не было и не будет юристов-специалистов, а без их участия в становлении государственности нет и не будет законности, правопорядка, упорядоченных законами общественных отношений.

Юридическое образование — важнейшая часть государственно-регулируемого правового пространства, механизм обеспечения правового здоровья нации. Поэтому одной из важнейших функций юридического образования является воспитание и формирование юридического самосознания.

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой публичного права ССЭИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова *В. В. Бехер* заявила, что проблема защиты прав и законных интересов граждан и организаций не теряет своей актуальности. Несмотря на большое количество научных работ, выполненных за прошедшие два десятилетия, приходится констатировать, что нарушения прав человека весьма распространены в современной России. Особенно это касается отдельных категорий российских граждан, которые в силу объективных и субъективных причин не всегда могут самостоятельно их защитить.

Механизмы защиты прав — это сложное системное образование, в основе которого лежат определенные способы обеспечения прав и свобод человека. В каждом государстве действуют национальные механизмы обеспечения прав человека. Набор таких механизмов не одинаков и в разных государствах может отличаться по форме и содержанию. Тем не менее можно выделить ряд внутригосударственных механизмов, в задачу которых входит гарантия соблюдения прав человека, или же они хотя бы располагают таким потенциалом.

Судебная защита прав и законных интересов — традиционная тема исследований практически всех отраслей российского права. Несмотря на подобную традиционность, понимание механизма судебной защиты прав и законных интересов в гражданском и арбитражном судопроизводстве, по сути, особый аспект исследования, в особой плоскости — под углом зрения практической работы и функционирования различных, тесно взаимосвязанных между собой процессуально-правовых средств, обеспечивающих защиту нарушенных прав и охраняемых законом интересов граждан. Понимание глубокой функциональной

взаимосвязанности всех элементов-слагаемых судебной защиты позволит получить представление о возможных направлениях и формах совершенствования судебного правоприменения.

Необходимо изучать современные воззрения ученых на сущность механизма защиты прав граждан и организаций. Более того, анализ зарубежного опыта осуществления механизма защиты позволил бы сформулировать перспективы его развития и в Российской Федерации.

При исследовании вопросов, касающихся механизма защиты прав и законных интересов граждан и организаций, необходимо рассматривать взгляды ученых на сущность механизма защиты прав граждан и организаций в гражданском, арбитражном, уголовном процессах, при реализации финансовых и налоговых правоотношений.

Представляется целесообразным включение в структуру административных судов подразделений, занимающихся рассмотрением финансовых, в том числе таможенно-правовых проблем. Это будет способствовать оптимизации деятельности таможенных органов и обеспечению высококвалифицированной, гарантированной защиты прав и интересов участников внешней торговли.

И. о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин филиала НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права» в г. Пензе *А. М. Репьева* в своем докладе затронула проблемы реформы пенитенциарной системы. По ее мнению, утверждение в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы России и поставленная в ней цель укрепления международных стандартов исполнения наказания в России привели к необходимости обеспечения эффективного и неукоснительного соблюдения общеправовых принципов — законности, гуманизма, демократизма, справедливости и уважения прав человека. Однако на сегодняшний день сложилась ситуация, характеризующаяся высоким уровнем нарушения общеправовых принципов исполнения наказания в воспитательных колониях. Это объясняется совокупностью ряда объективных и субъективных причин и условий (объективные: неконкретность, противоречивость законодательных норм, регламентирующих деятельность в сфере исполнения наказания именно в отношении несовершеннолетних; недостаточно эффективная работа институтов по защите прав человека при ФСИН и др.; субъективные: заведомо предвзятое, необоснованно негативное, обусловленное профессиональной деформацией отношение к подростку-осужденному; низкий уровень правосознания и правовой культуры должностных лиц ФСИН, выражающийся в непрофессионализме, нежелании сотрудничать с правозащитными организациями, грубом и жестоком обращении с осужденными, вызванном желанием добиться послушного поведения, и др.).

В связи с этим представляется необходимым принятие ряда мер по оптимизации процесса соблюдения общеправовых принципов, и в первую очередь — законности при исполнении наказания в отношении несовершеннолетних: проведение мониторинга международного и российского законодательства, его оптимизация относительно повышения социально-правовых гарантий сотрудников ФСИН, в том числе увеличение финансирования названной сферы, улучшение материально-технической базы воспитательных колоний и т. д.;

рецепция норм международного права в отечественное законодательство, касающихся права осужденных несовершеннолетних на свободный выбор вида трудовой деятельности, нормирования продолжительности труда и др., а также внесения изменений в должностные инструкции персонала воспитательных колоний с целью возложения на них персональной ответственности за соблюдение принципа законности; планомерное, целенаправленное усиление взаимодействия со средствами массовой информации, правозащитными и религиозными организациями в целях повышения правового и духовного воспитания осужденных, уровня их правового сознания и правовой культуры, преодоления правового нигилизма; усиление надзорной деятельности органов прокуратуры в сфере исполнения наказания и, как следствие, профилактика нарушений законности со стороны должностных лиц системы исполнения наказания, реализация принципа неотвратимости ответственности за каждое нарушение вышеуказанного принципа, повышение правового воспитания и правовой культуры сотрудников ФСИН.

Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России *М. В. Бебьякин* подчеркнул, что для современных исследователей большой интерес представляет Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. Этот документ был разработан при тесном сотрудничестве с Попечительским о тюрьмах обществом и стал первым общегосударственным уголовно-исполнительным нормативным правовым актом России. В Инструкции устанавливалось раздельное содержание преступников «по роду и важности их преступлений», женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних. Уделялось большое внимание вопросам личной и общественной гигиены, быту, проблемам медицинского обслуживания, лечения и санитарии, питания осужденных, т. е. различным аспектам социальной работы с осужденными. Интересной является норма, в которой закреплялась обязанность смотрителя тюремного замка «вызвать к себе доверие арестантов узнавая их нужды, предоставлением некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами». Это положение, наряду с остальными нормами, в определенной мере расширяет нормативно-правовую базу института социальной работы с осужденными в Российской империи.

Особого внимания заслуживают нормы, затрагивающие вопросы воспитания арестантов. Например, в Инструкции предписывалось использовать индивидуальный подход к каждому, обходиться с осужденными «кротко и человеколюбиво», при вынесении наказания быть объективным и независимым, а не «предаваться досаде и вспыльчивости». В отношении несовершеннолетних арестантов рассматривался вопрос об обучении их чтению, письму, арифметике, «сколько удобность позволит» (ст. 214). Следовательно, уже в середине XIX в. несовершеннолетних правонарушителей выделяли в особую категорию как требующих необычного воспитательного воздействия.

В рассматриваемой Инструкции главным аспектом была ресоциализация арестантов, т. к. к концу первой трети XIX в. с помощью «Общества попечительного о тюрьмах» в пенитенциарной политике России наметилась линия, отражающая понимание того, что лишенный свободы преступник, рано или

поздно освободившись из мест лишения свободы, вновь окажется в обществе, которое нуждается в том, чтобы бывший преступник больше не нарушал закон. В качестве примера можно рассмотреть обязанности смотрителя тюремного замка, к которым относилось наставление на правильный путь лиц, имеющих небольшой тюремный стаж, в особенности несовершеннолетних, совершивших преступления по молодости и глупости (ст. 219). В Инструкции также говорится о необходимости перевоспитания арестантов с помощью труда, дабы быть после освобождения полезным себе, семейству и обществу (ст. 237). При определении вида работ следовало учитывать личные данные осужденного, время года, характер производимой в учреждении продукции.

Таким образом, в рассматриваемом источнике впервые была официально закреплена государственная позиция в отношении осужденных, отбывающих наказание, определены его цели, задачи, пути совершенствования. В ней отчетливо просматривалась забота о том, чтобы в общество возвращался законопослушный гражданин.

Кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России *В. Э. Козацкая* отметила, что, несмотря на частноправовую сферу отношений по возмещению преступного вреда и соответствующий способ их правового регулирования, анализ мирового законодательства и практики свидетельствует об особенностях правового регулирования данных отношений. Она связана с объективной необходимостью использования комплексного межотраслевого подхода к проблеме восстановления частного интереса, нарушенного в результате совершенного преступления, обусловленного возможностью удовлетворения частного интереса на основании: имущественно-правового требования, реализуемого через институт гражданского иска, уголовно-правовой реституции, уголовно-правовой меры — обязанности загладить вред; системы государственных компенсаций, в рамках которых их гражданско-правовая природа проявляется в случае, если последние выступают субсидиарной возмездной (для причинителя вреда) гарантией гражданского иска, а также на основании медиативного соглашения.

Реализация механизма возмещения вреда возможна в публично-правовом (в рамках безвозмездной государственной и (или) общественной финансовой помощи, связанной или не связанной с погашением исковых требований по возмещению вреда, причиненного преступлением), гражданско-правовом (в рамках института гражданского иска, системы добровольного страхования, медиации) или смешанном (государственные компенсации выступают субсидиарной возмездной (для причинителя вреда) гарантией гражданского иска) порядке.

Ввиду повышенной ответственности государства за своих неблагонадежных членов (преступников) и низкого уровня правосознания в российском обществе имеется необходимость, обусловленная правовой природой отношений по возмещению вреда, причиненного преступлениями, проблемой неэффективного возмещения вреда, причиненного преступлениями, разработками в области юридической доктрины, положениями международных документов, законодательства зарубежных стран и их практики, в национальном законодательстве предусмотреть возможность реализации механизма

гражданско-правовой ответственности с участием субсидиарного субъекта деликтного обязательства — фонда возмещения вреда, причиненного преступлениями, способствующего привлечению государством к имущественной ответственности непосредственных причинителей преступного вреда с целью восстановления справедливости в частной сфере, выражающейся в удовлетворении частного интереса.

Способами совершенствования механизма возмещения вреда, причиненного преступлениями, являются: стимулирование государством участников гражданского общества к процедуре медиации (заключение участниками деликтного правоотношения медиативного соглашения) и (или) реализация механизма в смешанном порядке на основе системы государственных компенсаций как гарантии эффективности гражданского иска, при условии создания в России субсидиарного субъекта деликтного обязательства — фонда возмещения вреда, причиненного преступлениями, имеющего статус имущественного комплекса специального назначения.

По мнению кандидата юридических наук, начальника кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИИ России *Д. А. Толченкина*, последнее десятилетие XX в. можно рассматривать как эпоху беспрецедентных политических и правовых разломов в современных международных системах. Распад Советского Союза, фактический переход от тоталитарного (при М. С. Горбачеве — авторитарного) строя к демократическому строю сопровождался постепенным реформированием нормативно-правовой базы страны. В результате в первые годы существования нового Российского государства были приняты нормативные правовые акты, заложившие основы демократических преобразований во всех сферах.

Анализируя данный период, можно сделать ряд выводов:

— необходимость проведения государственно-правовых преобразований, в том числе конституционной реформы и реформы законодательства была обусловлена объективными причинами, связанными с коренными, глубинными изменениями, произошедшими в социально-экономической, политической, духовно-культурной сферах общественной жизни;

— принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. Конституция РФ явила собой прочный правовой фундамент, определивший дальнейшее развитие российского права в духе демократизма и уважения основных прав и свобод человека и гражданина;

— результатом кодификационной работы в этот период стало принятие ряда ключевых кодексов, регулирующих гражданские, уголовные, уголовно-исполнительные и другие отношения, определивших основные принципы и институты новой российской системы права;

— процесс демократизации и либерализации, проходивший в данный период, оценивается неоднозначно. Даже при наличии позитивных тенденций отмечается недостаточность правовой базы, отсутствие «стыковки» национальных законодательств, конфликты при децентрализации власти, несоответствие привнесенных извне западных институтов культурным и историческим особенностям многонациональной и многоконфессиональной России.

Выступление адъюнкта факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России *И. В. Хорошко* было посвящено вопросу соотношения понятий «форма права» и «источник права», на протяжении длительного периода времени являющемуся одним из самых дискуссионных. Большинство авторов полагают, что источником права является идея, потребность, сложившийся порядок общественных отношений. Форма права — это объективированные определенным образом правила общественной практики, которые в силу объективных причин признаются обществом и государством как обязательные.

Для разрешения споров необходимо исходить из самих оценочных понятий «источник» и «форма», что также предлагалось в различное время многими авторами. Сам термин «источник» подразумевает под собой некую основу, начало, то, из чего исходит, появляется, формируется что-либо. Источник — это силы, причины, создающие какое-либо явление. А «форма» определяет лишь внешнее очертание, наружный вид, внешнюю оболочку чего-либо.

Источник права — это то, с чего непосредственно начинается процесс правообразования, т. е. та совокупность экономических, политических, моральных, культурных, духовных, нравственных и иных факторов, вызывающих необходимость появления права, которое в зависимости от ситуации и облекается в форму нормативного правового акта, санкционированного обычая, правового прецедента, нормативного договора или религиозного текста. Совершенно очевидно, что позитивное право не вытекает из нормативных правовых актов, правовых прецедентов и других форм, поскольку именно в них оно (право) внешне выражается.

Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность многие ученые традиционно продолжают совмещать два разноплановых понятия, называя источником (формой) права нормативные правовые акты, правовые обычаи, правовые прецеденты, нормативный договор, религиозные тексты и т. д. Однако данные правовые категории могут выступать только в качестве источника правоприменительной деятельности.

С правовой позиции разграничение источников и форм права должно ограничиваться тем, что «источники» — это факторы, творящие право, а «форма» — лишь внешнее выражение правовых норм и их источников.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России *Н. И. Полищук* отметил, что миссионерское служение Русской православной церкви в местах лишения свободы существенно отличается от религиозного служения, проходящего в открытом обществе, в силу специфики субъекта воздействия, в качестве которого выступают лица, совершившие общественно опасные деяния.

С принятием Закона СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях», а затем Закона РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий» начался новый этап церковно-государственных отношений. В соответствии с данными нормативными правовыми актами

на администрацию исправительных учреждений возлагалась обязанность обеспечить реализацию права осужденного на свободу совести и наладить необходимое сотрудничество с религиозными организациями.

В настоящее время доминирующее значение в регулировании общественных отношений в данной сфере выполняет Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», который более подробно урегулировал деятельность религиозных организаций в пенитенциарной системе страны, оградил исправительные учреждения от проникновения сект, деструктивно влияющих на спецконтингент.

Однако помимо фиксации права священнослужителей посещать учреждения уголовно-исполнительной системы, а также реализации права осужденных на свободу совести и вероисповедания, от отечественных законодателей требуется дальнейшая кропотливая работа по совершенствованию и принятию ряда нормативных правовых актов в этой сфере общественных отношений. В феврале 2011 г. подписано «Соглашение о сотрудничестве» Русской православной церкви и Федеральной службы исполнения наказаний РФ, определившее новые горизонты сотрудничества, в частности, духовно-пастырское окормление осужденных к лишению свободы и лиц, заключенных под стражу, сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей, курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Знаковым в развитии государственно-церковных отношений в сфере уголовно-исполнительной политики стал 2013 г., когда был принят важный документ — «Миссия тюремного служения Русской православной церкви и пенитенциарные учреждения», определивший четыре основных направления деятельности церкви в местах лишения свободы: духовно-просветительская, богослужebная и пастырское душепопечение, а также содействие ресоциализации и защита прав и свобод человека в пенитенциарных учреждениях.

Таким образом, Русская православная церковь наравне с иными конфессиями по мере развития государственного законодательства о свободе совести и вероисповедания все больше вовлекается в общественно-политические процессы современной России, а комплекс реализованных в последнее время совместных мероприятий позволяет констатировать осуществление плодотворного сотрудничества между РПЦ и ФСИН России. Вместе с тем это только начало большого пути, поскольку остается ряд вопросов и проблем, требующих скорейшего разрешения.

Материал подготовили:

заместитель директора по научной работе

Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала)

Российской правовой академии Министерства юстиции Российской

Федерации, кандидат юридических наук, доцент К. А. Ишеков;

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала)

Российской правовой академии Министерства юстиции Российской

Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный

работник высшей школы Российской Федерации А. С. Мордовец